

А. О. Чубарьян¹

КУЛЬТУРА ДИАЛОГА И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ

Идеи академика Д. С. Лихачева о роли культуры и диалоге культур — как основе духовной жизни — составляют богатейшее культурное наследие нашего Отечества и всего человечества.

Мы хотели бы выделить из этой большой и многоплановой проблемы вопрос о взаимодействии культуры диалога и интерпретации истории.

С глубокой древности вопрос об интерпретации истории занимал умы и воображения историков и философов. В сущности, уже в сочинениях Геродота и Тацита мы видим попытки размышлять о толковании истории. Да собственно вся история науки о прошлом заполнена различными толкованиями и разной интерпретацией исторических событий. Средневековые анналисты, деятели эпохи Просвещения, Карл Маркс и Макс Вебер, А. Тойнби или в наше время Фукуяма и Хобсбаум и многие сотни, тысячи других историков и философов демонстрировали огромное разнообразие исторических школ и направлений.

Мы все знаем жаркие споры российских западников и славянофилов, сочинения классиков отечественной науки В. О. Ключевского и С. М. Соловьева, Н. А. Бердяева и А. М. Ильина. В советское время превалировало единообразие исторических оценок в рамках одной методологии и общего мировоззрения. И лишь после начала 1990-х годов Россия вернулась к многообразию исторических школ и направлений.

В начале XX века известный британский историк Э. Карр написал: «Историй столько, сколько историков». Этим он хотел объяснить релятивизм в оценке исторических явлений, что является, по нашему мнению, явным преувеличением.

И все же очевидно, что в сфере исторической науки сегодня, и в том числе в России, существуют весьма отличные друг от друга интерпретации истории. По-

нятно, что мы стремимся к тому, чтобы эти различные точки зрения не принижали учебный процесс в средней школе. Именно поэтому и родилась идея единой концепции исторических учебников для образовательной школы. Но столкновение мнений или интерпретация истории — это плоть и кровь науки (и национальной, и интерпретационной), неперемное условие ее движения.

И здесь мы обращаемся к наследию Д. С. Лихачева, его идеям и подходу к изучению культурного, в том числе и исторического наследия. Речь идет о *культуре диалога*, культуре различных интерпретаций истории. Полемика между представителями различных исторических школ и направлений, между отдельными историками всегда составляла ключевой момент в постижении исторической истины. В истории было множество примеров и ожесточенных дискуссий, и примирительного сосуществования порой весьма противоположных взглядов и позиций.

Мировая практика наполнена примерами, когда сторонники тех или иных взглядов стремились силой и кровью утвердить свое понимание исторических событий, религиозных канонов и установлений. Так было во времена инквизиции, такое же случалось, когда за отступление от принятых норм и трактовок рубили головы на плахе. Этим отличались времена Средневековья, когда мракобесие часто брало верх над проявлениями гуманизма и разномыслия.

К сожалению, эти «эксперименты» не остались без повторения. Уже в наш цивилизованный XX век нацисты в Германии устраивали публичные сожжения произведений неугодных авторов и «вредных» по содержанию книг.

Но все же в целом эпоха Просвещения в XVIII веке коренным образом изменила ситуацию в Европе, да и во всем мире. Инакомыслие перестало считаться преступлением; начался подлинный обмен мнениями, идеи гуманизма все в большей степени пронизывали культурную жизнь.

Но в XIX столетии в диалоги интерпретаторов истории в значительной мере вовлекались идеологические факторы. Наиболее ярким примером этого может служить Россия. В общественных кругах развертывались острые дискуссии об историческом прошлом, о предназначении России, об исторических корнях русской цивилизации. Причем в этих спорах затрагивались не только общие ценностные вопросы, но и конкретные оценки различных периодов, событий и персонажей российской истории. Идеологические разногласия часто принимали весьма острый характер, сопровождалась обвинениями противостоящих сторон в антипатриотизме, измене идеалам страны и т. д. Сегодня мы уже понимаем, что умеренные западники и умеренные славянофилы по большому счету были довольно близки друг другу в ценностных оценках русской истории.

Возникает вопрос: «Можно ли считать, что упомянутый диалог в середине XIX столетия в российском

¹ Директор Института всеобщей истории РАН, президент Государственного академического университета гуманитарных наук, академик РАН, доктор исторических наук, профессор. Автор более 350 научных работ, в т. ч. 9 монографий: «Брестский мир. 1918», «Европейская идея в истории», «Российский европеизм», «Канун трагедии. Сталин и международный кризис. Сентябрь 1939 — июнь 1941 года», «XX век: взгляд историка» и др. Монографии А. О. Чубарьяна изданы во Франции, Англии и Германии. Автор и ответственный редактор VI тома «Истории научного и культурного развития человечества» (издание ЮНЕСКО). Главный редактор готовящейся к печати «Всемирной истории» (в 6 т.). Главный редактор серии «История Европы», ряда ведущих отечественных и международных изданий по всеобщей и европейской истории: «Россия и Балтия», «Цивилизации», Международного журнала социальных наук, Международного журнала «Cold War History», журнала Международной ассоциации институтов истории стран СНГ «Историческое пространство. Проблемы истории стран СНГ». Сопредседатель комиссий историков России и Австрии, России и Германии, России и Литвы, России и Румынии, России и Украины. Председатель Национального комитета российских историков. Президент Международной ассоциации институтов истории стран СНГ. Член Норвежской королевской и Шведской королевской академий наук. Награжден орденами «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Почета, орденом Почетного легиона (Франция), Офицерским крестом (Германия), орденом Святого Макария II степени (РПЦ), Григория VI (Ватикан). Лауреат премии Президиума РАН им. Е. В. Тарле за монографию «Канун трагедии. Сталин и международный кризис». Почетный доктор ряда российских и иностранных университетов и академий. Почетный доктор СПбГУП.

обществе не выходил за рамки цивилизованных правил и норм?»). Но в любом случае следует признать, что полемика о корнях русской истории довольно сильно раскалывала российское общество и не способствовала консолидации страны.

Похожая ситуация происходила во Франции, где развертывались острые дискуссии вокруг природы, хода и результатов Великой французской революции, в которых также высказывались весьма полярные точки зрения.

Мы не будем здесь подробно касаться развития отечественной советской историографии. Жесткий идеологический партийный контроль над интерпретацией истории фактически прервал те интересные, хотя и довольно острые дискуссии в русском обществе в начале XX столетия.

Тема культуры диалогов и полемики вокруг проблем российской истории сегодня не только остается весьма актуальной, но и принимает порой острый и бескомпромиссный характер. Во многих случаях полемика идет вокруг тех вопросов, которые раскалывали российское общество в XIX столетии. Это и общие оценки российской идентичности, отношения России с Востоком и Западом, проблема происхождения древнерусского государства, и особенно острые вопросы, касающиеся всей отечественной истории XX столетия. В центре многих споров — российские революции 1917 года, смысл и место советского периода в отечественной истории, история Великой Отечественной войны и победы над фашизмом, история холодной войны и другие проблемы.

В общий внутрироссийский диалог активно включились и международные факторы. Сюда следует отнести попытки дать собственную интерпретацию нашей общей истории в постсоветских государствах и жесткую критику практически по всему спектру истории России во многих странах Западной Европы, и прежде всего в США. В этом сочетании внутренних и внешних факторов важнейшее значение приобретает проблема культуры диалога в интерпретации истории.

В этом направлении в последние годы появилось и получило большую популярность понятие «историческая память». Именно вокруг «памяти» на многих международных и общественных встречах обсуждаются ключевые вопросы российской и мировой истории. В последнее время в интерпретацию истории включились некоторые государственные и законодательные органы многих стран. Во Франции на госу-

дарственном уровне идут дискуссии об оценках французского колониализма, в Италии спорят о режиме Муссолини, в США правительство и президент дают оценки итогам холодной войны; и подобных примеров немало.

В России в Государственной Думе обсуждается закон об уголовном наказании за оправдание фашизма или непризнание роли Советского Союза в победе над фашизмом. Много лет назад этому процессу положили начало законы о преследовании лиц, отрицающих или не признающих холокоста. Все эти факты осложняют развертывание нормального свободного диалога об интерпретации истории.

Хотелось бы привлечь внимание к некоторым принципам и правилам культуры диалога, в нашем случае имеющим отношение к историческим сюжетам, хотя их значение может иметь и более широкое применение.

На основе опыта мировой истории и историографии можно было бы выделить следующие положения:

— исторический диалог (вокруг проблем интерпретации истории) должен базироваться на объективных фактах, а не вымыслах или преднамеренных фальсификациях;

— необходим многофакторный подход, то есть учет самых разнообразных, порой весьма противоречивых событий и намерений. Именно на основе такого многофакторного подхода возможны непредвзятые оценки исторических явлений и событий;

— свободный диалог не должен быть ангажированным, излишне политизированным и идеологизированным;

— культура диалога предполагает как важнейшую основу — уважение других взглядов, сопоставление различных мнений и точек зрения;

— настоящий диалог предполагает возможность модификации собственных взглядов с учетом других мнений и оценок, с обязательным использованием последних достижений науки и новых архивных материалов и документов;

— наличие различных взглядов и интерпретаций истории, диалог культур и цивилизаций должны способствовать не расколу, а консолидации общества.

Единство в многообразии — этот лозунг, известный в истории, может быть применен и к сфере интерпретации истории. Изучение истории, диалог культур и исторических интерпретаций реально могут сыграть важную роль в содействии консолидации общества, в реализации национальных интересов страны.